

Ангельский мираж

Программу из четырех голландских балетов под общей шапкой «Ангелы» представили в новом русском интерьере.

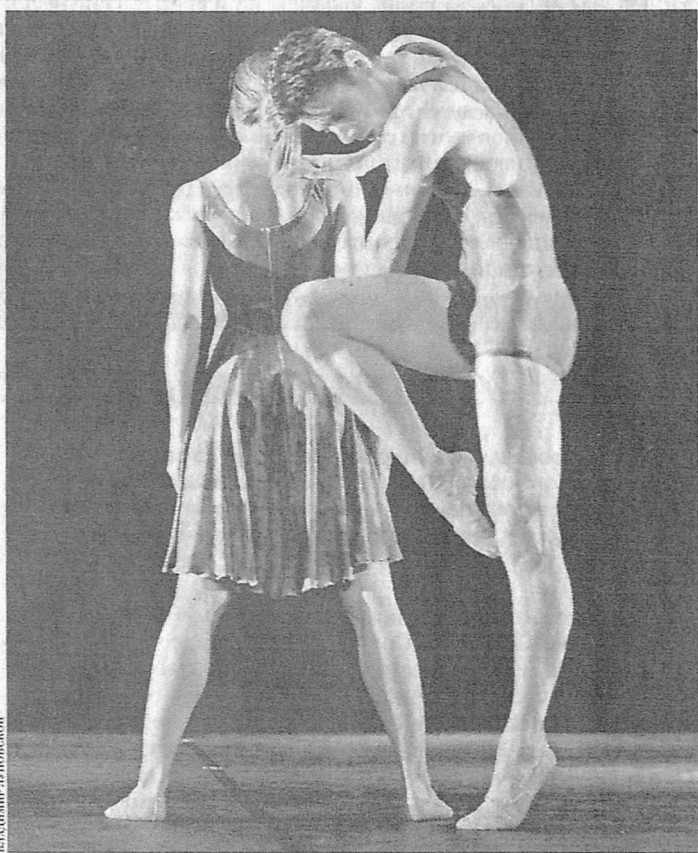
Смотреть голландскую труппу «Интроданс» стоило как минимум по трем не относящимся к балету причинам.

Во-первых, на Новой сцене Большого театра впервые выступали гости. Во-вторых, подготовкой знаковых гастролей занимался не сам Большой, а вольный продюсер «Росинтерфест». Который, в-третьих, подошел к делу со всей подобающей серьезностью и прежде заслал в Голландию казачков — балетных критиков. Чтобы не повторять собственных ошибок: в прошлый сезон вместо обещанного Начо Дуато в Москву привезли безвестных жухлых мачо.

Как подобает случаю, «Интроданс» начал с возвышенного «Мессии» Генделя с делением танцующего люда на черных и белых. Графичные до аскезы традиционные и не очень дуэты освещались танцем ангелов: вместо крыльев те хлопали роскошными белоснежными юбками, разрабатывая идею Лоуи Фуллера, в конце позапрошлого века принявшей текстиль за экспрессивную танц-единицу. Так что «Мессию» можно считать примером по-балетному трепетного постмодернизма.

О хваленном «Пойманном» Дэвида Парсонса так не скажешь. Эффектная миниатюра построена на простеньком дискотечном трюке: артист танцует, стробоскоп, он жмигалка, «засвечивает» его в разных ракурсах — некий фанат или рекламщик подсчитал — 110 раз. Во время прыжков «пунктирный свет» скрывает в темноте шаги по сцене, и чудо мультипликации делает из простого смертного невесомый объект, что плывет по воздуху аки посуху. Публика в экстазе, опус как штучка занятен, но как «сенсация» явно нуждается в одержимом артисте.

Самой интересной поста-

Евгений Зинковский

В голландских ангелах крепка гармония тела и духа

новой выглядели «Пять поэм» Нильса Криста на музыку Вагнера к письмам Матильды Везендонк. Страстная расчетливость этой лирики стала фрейдовской оговоркой труппы, которая формально, по языку, грамотно заняла центристскую позицию между неоклассикой и балетом-модерн. Тело и дух тут получили мощную визуальную поддержку в танце и в сценографии: прозрачные кулисы обнажили стояки софитов, и грозовое небо на заднике составило с ними отличную динамическую пару. А танец открыл вкус труппы к сумрачному романтизму в протестантском духе.

Завершающий программу «Палимпсест» окончательно расставил ударения: в нем прорабатывалась монотонная скрипичная мелодия, а кудрявый термин в названии обозначил и идею балета, и принцип работы труппы. Палимпсест — это пергамент, с которого в древности в целях

экономии счищали текст и выводили на нем новый.

Точно так же действует маленькая по российским меркам труппа «Интроданс» из открыточного голландского Арнема. Техническая фактура так полноценно проработана, что не возникает вопросов, почему с труппой не гнушаются работать именитые хореографы вроде Иржи Клипана, Начо Дуато и Йорма Уоттинена. Не важно, что мелодия монотонна: если ее правильно оркестровать, она увлечет. Не важно, что в репертуаре нет гениальных находок и нетленного наследия: кропотливая работа профессионала радует больше, чем отсутствие оной.

При всей несопоставимости голландских масштабов с российскими присутствовавшую в зале балетную дирекцию Большого хотелось непатриотично приветствовать призывом по-петровски взяться за спицы.

ЛЕЙЛА ГУЧМАЗОВА

Зрелище и Н. - 2003 - 23 авг. - 1.7